

Мария РЕМЕЗОВА, журналист

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

Интервью Марии Ремезовой с Борисом Васильевым

Это интервью Борис Васильев дал в 2005 году для «Автографа века» - многотомного сборника литературных портретов выдающихся деятелей отечественной культуры. Уникальность каждой книги состояла в том, что каждый ее герой собственноручно ставил автограф в каждом экземпляре книги. (Тираж каждого тома составлял всего 250 экземпляров)

Старший лейтенант Васильев. Свердловск. 1948 год. Таким он прибыл на «Уралмаши», где работал военным инженером над новейшими образцами бронетехники. Тогда же написал пьесу «Офицер» для Театра Советской Армии (одну из ролей играл Владимир Зельдин), запрещенную после второго показа

Жалеть ни о чем не надо

Есть люди, которым Бог отмерил невероятное обаяние. Таков Борис Васильев. Прекрасный рассказчик, остроумный, свободный, полный жизни и сил... Как жаль, что написанные на бумаге слова не в состоянии сохранить удивительной интонации, свойственной этому человеку.

- Давайте начнем с войны. Что означает этот опыт - для человека, для общества и для писателя?

- Война - дело скучное, грязное и, простите, вонючее. Из настоящих фронтовиков не осталось уж никого. Раньше мы все столы сдвигали, когда друзья собирались, - особенно в День Победы. А теперь мы с женой на двоих накрываем, два фронтовика всего и осталось. Война беспощадна - она остается в человеке на всю жизнь, если он воевал, конечно, а не скрипел пером где-то в тылу... В ту войну мы потеряли очень много людей. До сей поры точных данных нет, но покойный Александр Николаевич Яковлев, с которым мы дружили, этим делом занимался, и по его расчетам выходит не менее 31 миллиона человек. Немцы потеряли у нас не многим более двух миллионов. То есть на каждого немца сколько наших приходится? Вот и считайте. Немцы - прирожденные вояки. Они с удовольствием подчиняются, уважают старших по званию, «орднунг» для них все! Любому немцу погоны привесь - и перед ним вытянутся в струнку. Слава Богу, что мы их разбили.

- А правда ли, что перед тем, как брать Москву, немцы устроили что-то вроде техосмотра, и поэтому мы успели подтянуть силы...

- Это же немцы! Положено по срокам, значит, будет техосмотр. К тому же перед большим наступлением. Вот и прокопались дней пять. А ведь были совсем близко. Танки-то прорвались к Москве дальше, чем считается - там, где на Ленинградке «ежи» стоят, не крайняя точка. Один танк был подбит уже дальше, на мосту.

- Нужен ли все-таки писателю такой трагический опыт - или лучше без него обойтись?

- Писателю любой опыт нужен. По натуре я человек бесшабашный, веселый - поэтому и стараюсь «уравновесить» себя в литературе. Трагедия потрясает. Эту точку зрения, кстати, разделял и

Юрий Любимов, когда ставил спектакль «А зори здесь тихие...». И на его спектакле зал не аплодировал. Трагедиям не аплодируют, и не плачут. А молчат. На премьере вдруг - полная тишина, и только девочки кланяются, и Федор, рыдающий, стоит в углу. Единственный звук - только этот рыдающий голос. И потом зал молча встает. Вот это трагедия.

- Вы первым подняли тему женщины на войне. До Вас можно припомнить только «Они сражались за родину» - но там она решена в героическом ключе. А у Вас, если воспользоваться более поздней формулой Светланы Алексиевич, «у войны не женское лицо».

*Режиссер Михаил Ершов и сценарист Борис Васильев
на съемках фильма «На пути в Берлин». 1969 год*

- Женщин на войне было более 350 тысяч. Они были во всех родах войск. Танкисты, артиллеристы, снайперы. Я уж не говорю про санбат. А когда я пришел в академию, увидел там девочек - два отделения, все фронтовички. Некоторые были ранены. Женщине не место на войне! Не надо было их туда посылать! В тылу помогайте, девочки мои родные. За ранеными ухаживайте, за муж за них выходите, безногому инвалиду создайте уют - вот ваша задача! Женщина должна детей поднимать, а не воевать.

- *Кого Вы в этом вините - власть, историю?*

- Власть, конечно. Сталин это приветствовал. Считал, что должен быть общий порыв, он вообще не очень-то разделял мужчин и женщин. Но и Гитлер приветствовал женщин в армии, потому что тогда мы зеркально друг друга отображали. До войны они упоенно писали о наших лагерях, а мы столь же упоенно - об их. Сталин называл Гитлера, когда он только появился, «ледоколом революции» - мол, он сломает буржуазию, а мы пойдем вслед за ним и обеспечим победу социализма во всем мире. Это был призыв к народу: терпите, дальше будет лучше. Вот мы и топаем к светлomu будущему.

Россия - вечный пограничник

- *В русской литературе, начиная с Толстого, война - это полигон, где выявляются свойства личности, поле битвы между добром и злом. А для американцев война - место абсолютного зла, разрушительного для личности. Причина в разнице коллективистского и индивидуалистского менталитетов?*

- Действительно, индивидуализм там проявляется в большей степени, чем у нас. Но не это главное. Россия - вечный пограничник: между востоком и западом, севером и югом. Между христианством и исламом. Она всегда стояла на границе. Вот вторглись к нам татаро-монголы - и дальше не прошли. С юга атака половцев и прочих печенегов - тоже стоп, Европа их не знает. Сколько жизней отдали - это другой разговор, но мы их поглотили! И отсюда наш вечный поиск врагов. Это спрятанный в нас инстинкт.

- *А как Вы относитесь к современным войнам?*

- Это уже не войны. Когда девять государств официально имеют атомную бомбу, а еще девятнадцать - неофициально, лучше не воевать. Первый же день войны будет последним. А потом - чего ради воевать? За земли? Нет уже никакой земли. Мы чудом еще удерживаем Курилы и Калининград, и то это запасные козыри Путина. Прижмут - и он их отдаст! Но сегодня самое страшное зло - терроризм.

- *Вы работаете в Комиссии по правам человека и, кроме того, человек военный. Какая армия нам нужна?*

- Только контрактная. Большая призывная армия появилась у нас только в XX веке, - когда началась Первая мировая война. А вообще в России всегда была контрактная армия. 25 лет никто не служил, служили 20. В сорок лет рекрут возвращался домой в самом расцвете сил.

А дворяне вообще были военной кастой России и служили чуть ли не с рождения, и получали за это деньги.

А в наше время по поводу армейской реформы государство решение уже приняло. Только почему-то все затягивается. А жаль. Контрактная система принята почти во всем мире. Наши мальчишки, которые не хотят служить, все равно не солдаты - и не будут ими. Вот пограничников нужно отбирать - и они у нас, между прочим, почти все контрактники. И вот еще что. Да, сократили армию, она сейчас порядка 800 тысяч человек. А разве МЧС не армия? Еще миллион двести тысяч. Они все вооружены. А стройбаты и всё прочее? Мы сами себя все время обманываем. Это свойственно России.

- *А как Вы полагаете, если бы завтра была война, как бы повели себя сегодняшние мальчишки и девочки?*

- Боюсь, такой порыв, какой был тогда, сейчас невозможен. Слишком много антивоенных выступлений, которые подавляют этот порыв. Вот ТЮЗ пригласил нас на премьеру «А зори здесь тихие.». Там старшина губит всех девочек - зря губит, полный идиот. Вот такая антивоенная пьеса. Сейчас некоторые думают: а чего, собственно, тогда люди суетились? Проиграли бы войну и жили бы сейчас, как в Германии. Но думать так может только последний циник.

- Вы никогда не скрывали, что были убежденным коммунистом...

- Коммунистом я был до определенного времени. Мы с покойным Егором Яковлевым поехали в Тбилиси, когда начались события в 1989-м году. Там была блокада, а у нас - депутатские мандаты. Я бывал в Тбилиси раньше, и теперь его не узнал. Город тихий-тихий, и все в черном. Потом мы попали на первые похороны. Говорили со свидетелями, сфотографировали все, собрали данные, доложили Горбачеву. Он создал комиссию по Тбилиси, и меня назначили ее секретарем. В комиссию был включен и Анатолий Собчак, тоже народный депутат СССР. В Тбилиси мы работали очень долго: все пересмотрели, послушали генералов, которые без конца ввали. И вернувшись, я написал письмо в первичную парторганизацию: прошу больше не считать меня коммунистом, вложил партбилет и отправил. Так я расстался с партией. Больше не мог в ней быть - ввали-то мне в лицо коммунисты. Это было, конечно, не первое разочарование, но - уж слишком серьезное.

С Анатолием Собчаком во время работы над заключением комиссии по Тбилиси. Подмосковье. 1989 год

- Иногда говорят: в советское время на художников давили, зато какие были произведения, а сейчас давление убрали - и посмотрите, во что превратилось искусство.

- На искусство так давили, что выпускали только то, что было угодно советской власти. Правда, были Платонов, Шолохов, еще две-три фамилии... И все с очень тяжелой судьбой, взять хоть того же Домбровского. Это был вовсе не тот расцвет, о котором толкуют любители дешевой колбасы. Это было очень зажатое искусство. Были только отдельные колоски - мощные, которые не могут не вырваться.

*Васильев и Сахаров - на встрече с дивизией внутренних войск
им. Дзержинского. Реутово. 1989 год*

А сейчас, когда искусство стало товаром, оно перестало быть искусством. Посмотрите, например, телевизор. Для кого он рабо-

тает? Для обывателя, для которого нет ничего интереснее, чем кто, с кем и когда. Поэтому и развелось столько женщин-писательниц, которые строчат любовные романы.

А раньше культуру Россию на своих плечах держала русская дворянская интеллигенция. Ее уничтожили. Последние настоящие интеллигенты погибли во время Великой Отечественной войны - в ополчении.

Помню, ездил я как-то в зеленоградскую школу, и учительница литературы вынула из шкатулочки несколько оправ от очков, железных. На огороде нашла. Это все, что осталось от русской интеллигенции. Конечно, лет через двадцать придет новая интеллигенция. Ее создадут талантливые мальчики и девочки. Без интеллигенции нация просто не может существовать. Это дрожжи народа.

- *Кого Вы считаете самой значимой фигурой XXвека?*
- Андрея Дмитриевича Сахарова.

Другого опыта нет и быть не может

- *Чья проза о войне Вам наиболее близка?*
- Один писатель мне очень нравился и нравится до сей поры - Василь Быков. Я всегда его любил, поклонялся ему, и лучшего просто не нахожу. Хотя было когда-то такое понятие - «лейтенантская проза». Но сталинская критика встретила эти книги в штыки. Покойный Астафьев очень этим возмущался. Окопная правда - и есть правда, другого опыта у тебя нет и быть не может... Каждый видит войну из своего окопа. Мне нравилась эта проза, я читал запоем: как же, мои ровесники пишут - из тех, кто остался в живых. Поэтому и я стал писать. У каждого своя война. Моя война - это окружение, кругом лес, полная беспомощность. Кончается жизнь, кровью истекаешь. Санбатов нет, артиллерии, авиации, штабов. Ничего нет. Только героизм. Вот отсюда и появились «А зори здесь тихие.».

- *А было что-то, что злило, раздражало?*

- Конечно. Начавший очень хорошо Бондарев в итоге стал меня раздражать. У него появились ура-патриотические нотки, кото-

рые я не принимаю. Мол, мы их шапками закидаем! Только тот, кто никогда на войне не был и не знает, что это такое, может об этом кричать. А нам об этом кричать позорно - мы десятки миллионов похоронили! И кто где лежит - неизвестно. А американцы ни одного трупа за границей не оставляют.

- *А как Вам запомнилось советское писательское сообщество?*

- Я пришел из кинематографа и в Союз писателей никогда заявления не подавал. Ведь что такое писательский коллектив? Это всегда зависть. Не в открытую - но шепоток идет. А в кино все радуются успеху любой картины. Потому что успех - это увеличение ассигнований на кинопромышленность. Это ж общая победа! Вот почему кинематографисты мне всегда были ближе, и я с удовольствием входил и в Союз кинематографистов, и потом в члены правления. Однажды мне позвонили из приемной Союза писателей и говорят: вас приняли, а почему вы билет не берете? Ну, я пришел, взял - тем дело и кончилось.

- *Как в Вашей жизни возникло кино?*

- Меня с детства приучили смотреть на литературу как на что-то высшее. Это основа российской культуры. Поэтому поначалу я очень боялся писать книги. Первое время делать сценарии мне казалось проще. Я очень любил кино, смотрел и сейчас могу смотреть фильмы по несколько раз, сначала узнаю сюжет, потом любуюсь режиссерской работой, потом игрой актеров. Так что начал я со сценариев и написал довольно много - самостоятельных фильмов у меня штук семь или восемь, а дальше пошли экранизации.

- *А как появился фильм «Офицеры»?*

- Сам я из потомственной офицерской семьи, мои предки всегда воевали. Один из моих прапрадедов - герой войны 1812 года, генерал-лейтенант Алексеев. Он есть в энциклопедии, его портрет работы Доу висит в Эрмитаже - в зале 1812 года. Табличка с его именем есть в Георгиевском зале Кремля. И потом все были офицерами. Я написал сценарий об офицерах, потому что очень хорошо знал этот быт. Я жил в военном городке, отца часто переводили с места на место, мы мотались по всей стране. Так что я знаю эту жизнь не понаслышке. Предполагались две серии. Первая должна

была показать Гражданскую войну и мирное строительство. Потом - репрессии против офицерского состава, расстрелы, лагеря. А в следующей серии их отпустили - как Рокоссовского, к примеру, - и они стали воевать уже на следующей войне. Я написал, отвез на студию имени Горького. Там прочли и сказали: да, есть у нас такой режиссер Роговой, он готов ставить, но две серии дать не можем. И цветным фильм не будет. Но я сказал, что перекраивать не могу. И тут приезжает ко мне Кирилл Рапопорт, мы с ним очень дружили... Говорю: Кирилл, если хочешь, переделай две серии на одну. Ну, нехота мне с этим ковыряться, лучше я за это время другое что-нибудь напишу. Он это и сделал. Но в окончательном варианте «Офицеров» есть накладка: ну как это - два генерала, ровесники и друзья детства, встречаются, и вдруг один с изумлением: «Ты?!». Почему он удивляется, что друг-то здесь, что он жив? Или эти друзья-генералы не интересовались судьбой друг друга? Да просто оба сидели - и оба уцелели в той мясорубке. Вот чему он удивляется.

- *Финал фильма «А зори здесь тихие...» - с того момента, как начинается цветной ряд, - вызывает ощущение некоторой искусственности...*

- С покойным Стасом Ростозким мы очень дружили. И работали очень плотно. Я ему сказал, что не смогу быть на съемках, потому что параллельно с этим Марк Осипян снимал «Иванов катер». И у Марка была только вторая картина. Помощь была нужна ему в большей степени, нежели Стасу, который в то время был уже лауреат. Мы начали работать с ним: прошли весь сценарий, текст согласовали, что не нужно, вымарали - всё было отработано. И тут он говорит: я рассчитываю делать картину для иностранных фестивалей - Венеция, Канн. А не цветные фильмы туда не принимают.

- *А как же «8 У» - это же черно-белый фильм?*

- Ну, такому мастеру - ради Бога. Это другой разговор. Мастеру можно. А нас они и так недолюбливали, и вдруг какой-то русский режиссер привозит черно-белый фильм. Нет уж. Катай его где хочешь, а сюда не суйся. И Стас решил сделать цветные заставки. Начало и конец. Я говорю: сделай хотя бы биографии цветными. И вот у каждой девочки там, в картине, - цветная био-

графия. Вот откуда эти цветные вставки. Они, конечно, утяжеляют картину, но без них она бы не получила международного признания. Кино не должно такими вещами пренебрегать - рынок надо завоевывать.

А еще я помогал Ростоцкому отбирать актеров. И могу похвастаться - Женю Камелькову я нашел. До этого Стас был в панике: всех нашел, всех утвердил, девочки прекрасные, все есть - а Женьки нет. Она одновременно должна была быть прекрасной актрисой, уметь петь, плясать, и вообще быть такой, чтобы девчонки любовались, - а это редкость. Заводила, прирожденный вожак, лидер! Вот, говорит, давай искать такую, я сам найти не могу. И вот как-то мы идем с ним по коридору студии Горького, а он длиннющий такой, пустой, часов десять вечера, все уже ушли. Вдруг открывается дверь и выскакивает с хохотом рыжеволосая девица и куда-то бежит. Я говорю: кто это? Он: да это Оля Остроумова. А он ее снимал в предыдущем фильме - «Доживем до понедельника». Я ему: Стас, милый, это же Женька бежит. Он: «Стой, Оля! Идем сниматься». На нее только надели гимнастерку и дали в руки гитару, она спела - и была тут же утверждена.

Я не хотел быть писателем

- *Как Вы попали на фронт?*

- На войну я ушел добровольно, ведь я из потомственной офицерской семьи. Отцовские друзья просто не поняли бы, если бы я не пошел. Я был на фронте уже 9 июля. И попал в окружение. То, что я уцелел, - это великое везенье, случайность. Меня направили в Смоленскую область, что меня и спасло. Я попал в места, которые хорошо знал. В любой другой местности я бы пропал, особенно в степи. Как степняк пропадает в наших лесах, так мы, лесовики, пропадем в степях. Отец, командир Красной Армии, воспитал меня как военного, готовил к этому: я все уставы знал наизубок, строевым шагом ходил... Я и стрелять умел почти из всех видов оружия. Еще отец научил меня ориентироваться на местности. Он работал в Штабе Смоленского военного округа, и когда выпадали свободные дни, возил меня в лес. А смоленские леса по-

гибельные - это сейчас все порублено и сожжено, а тогда были огромнейшие леса. Увозил меня в глушь, прятал машину, потом кружил, кружил, кружил - и говорил: укажи, где Москва, где Ленинград, где Минск... У человека есть чувство направления - как у любого животного. Но его нужно пробудить. Как только появились карты и компас, эта способность забылась, ведь мозг освобождается от ненужного. Но навык-то все равно остается, и отец в конце концов научил меня совершенно точно выбирать направление без карты и компаса. Это меня и спасло в окружении. Я знал,

*С историком Сигурдом Оттовичем Шмидтом. Начало 2000-х.
«Я хотел быть историком. Я очень люблю историю - с детства.
Но вместо этого стал военным».*

куда идти, - не только потому, что я хорошо знал лес, не боялся его, но и точно знал направление. Спасибо отцу. Я воевал, пока меня не контузило, - нарвался на мину под Вязьмой. И оказался в госпитале, в Костроме. Потом меня прикрепили к местной комен-

датуре, чтобы я ходил с патрулями. И вот однажды мой знакомый майор - тоже раненый, с фронта - вдруг спрашивает: ты сколько классов кончил? - Девять. А он: есть одно место в бронетанковую академию. Ну, скажешь, что десять, подготовишься, время есть. Так я попал в академию. Там-то я и встретил свою будущую супругу - она была лейтенантом. И вот мы с ней вместе уже шестьдесят лет.

- Как вы думаете, если бы в Вашей жизни не было войны, Вы бы стали писателем?

- Трудно гадать, не знаю, я ведь никогда не хотел быть писателем. Я хотел быть историком. Я очень люблю историю - с детства. Но вместо этого стал военным.

Кстати, «Завтра была война.» - это для меня тоже военный роман. И по-иному его не повернешь никак. Это всё очень трагично, потому что эти мальчишки уходят умирать. Да, и вот какой случай с этим вышел.

Раздается звонок. Я беру трубку. Какой-то мужской голос, незнакомый. «Вас беспокоит выпускник ВГИКа Юрий Кара. Очень прошу, посмотрите мою дипломную работу». А ребята меня просили иногда смотреть их дипломные работы. Ну, я говорю: «Сегодня не могу, работы полно». А он: «Борис Львович, я же поставил «Завтра была война.»». Я приезжаю на просмотр - зал полный, люди буквально сидят друг на друге. Началась картина. И я ревел - честно вам говорю. А знаете, как он сделал этот фильм? Купил «Юность», где был напечатан роман, и развез заранее намеченным актерам - Никоненко, Алентовой, Руслановой. И сказал: «Когда будете читать, обратите внимание на такой-то и такой-то персонаж. Если понравится, будем снимать». Потом спрашивает: ну как? Они согласились, и даже без денег. Ну, потом, когда фильм приняли, конечно, всем заплатили. И потом эта картина в прокате пользовалась огромным успехом. И еще прекрасный спектакль был поставлен Гончаровым в театре имени Маяковского. На этот спектакль даже приезжала знаменитая английская актриса Ванесса Редгрейв - кстати, троцкистка и ультра-левая. А тогда очень шумели по поводу этой постановки, очереди стояли безумные, ломились, как на Таганку. Ей немедленно достали билет, провели, и она оказалась рядом со мной, в директорской ложе. Ревела в голос, бешено апло-

дировала. И стала ходить на все спектакли. Потом мы с ней познакомились, она у нас в этом доме, бывало, ночевала, по саду бегала в валенках - интересно ей было побегать по снегу. И сказала директору театра: я ничего не обещаю, но постараюсь сделать так, что вас пригласят на гастроли. И действительно, мы очень скоро поехали на гастроли в Лондон. И самое интересное, что никому не понадобилось переводить. Пришли одни русские или те, кто хорошо знает русский. Такую овацию устроили - бешеную!

*Ванесса Редгрейв, Зоря Альбертовна и Борис Львович Васильевы
в Театре им. Маяковского после спектакля «Завтра была война»
в постановке Андрея Гончарова. 1985 год.*

- Жалеете о чем-нибудь, что не удалось в жизни?

- Чего жалеть-то? Жалость, может, и хороша в молодом возрасте, а мне, старику. Не удалось, значит, не удалось. Жалеть ни о чем не надо.

Вторично опубликовано в журнале «Медведь» 18.03.2013